

## Либо профобразование, либо профпреступность

**Мы обратились к министру общего и профессионального образования В.М. Филиппову с просьбой поделиться своим видением некоторых проблем современного образования. Наш собеседник, помня о том, что в приёмной его ждут другие посетители, отвечал на вопросы быстро, но зачастую, увлекшись, перехватывал инициативу. Главная характерологическая черта нашего министра, которая бросается в глаза сразу и доминирует в психологическом портрете, — это оптимизм. Можно сказать, В.М. Филиппов — неисправимый оптимист. Если какая проблема и не прояснилась пока ещё, можно быть уверенным, дойдут до неё руки, разберут её на части, поглядят, что внутри, и разрешат ко всеобщему удовольствию. И вообще, нечего стоять на месте. Главное — “ввязаться в драку...”, а там видно будет. Иначе говоря, перед нами — человек действия.**

**— Уважаемый Владимир Михайлович! Как Вы относитесь к острым вопросам?**

— Острые вопросы как раз люблю. На другие жалко времени. Иногда приходят “компетентные” журналисты и начинаешь им объяснять совершенно элементарные вещи: что такое базисный учебный план, образовательная область и так далее. Думаю: зачем теряю на это время? Я сам всегда ищу острые вопросы, потому что руководителю надо знать, где он недорабатывает. Я по должности обязан прояснять любые острые вопросы, так как они-то и составляют суть нашей повседневной работы, отражают насущные проблемы образования. Поэтому для меня острых вопросов, в смысле нежелательных или неприятных, — нет.

**— Вся страна нынче пребывает в ожидании перемен. Такова логика и предвыборной страды, и временного слома — смены тысячелетий. Какие перемены грядут в школьном деле? Каким видится Вам развитие событий в системе образования? Есть ли у министерства свой план, стратегия? В чём заключаются основные линии движения вперёд?**

— Есть ли у нас план и стратегия? Знаете, в этом отношении, как ни странно, я большой оптимист. По крайней мере, на ближайшие 10–15 лет. И дело не только в том, что в этот переходный период у нас есть законодательно принятая Федеральная программа развития образования России (а её разрабатывали почти десять лет), которая представляет собой проект деятельности на ближайшие пять лет. Мы намерены вскоре иметь и подтверждённую законом Национальную доктрину образования. Это документ иных временных пределов, он определит основные принципы государственного строительства, государственной политики в области образования на ближайшие 25 лет. Помимо этого, разработано несколько отраслевых программ, которые носят более частный характер. Они будут пересматриваться через каждые два-три года. Это, например, программа развития индустрии образования, программа воспитательной работы, программа развития сельской школы России. В каждой из них есть свои недостатки, но само по себе — это уже шаг вперёд.

В ближайшее десятилетие мы просто обречены сделать ряд крупнейших шагов, которые через 10–15 лет коренным образом изменят систему образования в целом. В первую очередь мы должны выстроить на новых принципах современное содержание общего и среднего образования в рамках двенадцатилетней школы.

Считаю, что нужно воспользоваться демографическим спадом и добиться того, чтобы все выпускники — 100%, а не 98% — могли бы продолжить образование на одном из трёх уровней профессиональной подготовки — начальном (проф-училища), среднем (техникумы) и высшем (вузы). Такая возможность сейчас открывается, потому что число выпускников в силу демографических причин будет равно числу мест в учреждениях профессионального образования. Принципиально важно решить вопрос приёма выпускников без

той формы вступительных экзаменов, которая всем нам известна. Я не могу сейчас определённо сказать, как это будет сделано. Скорее всего с помощью централизованного тестирования с какими-то дополнительными условиями отбора в вузы в рамках их автономии. Способных к педагогической деятельности мы хотели бы видеть в педвузах, способных к медицине — в медицинских институтах и т.д. До сих пор сделать этого не удавалось из-за экзаменов, в которых больше работает случайность и мало учитывается профессиональное стремление.

Наконец, третье, что нас ожидает. Хотим мы того или нет, но информационный и телекоммуникационный рывок коренным образом изменит систему образования. Через 10 лет, примерно так, как сейчас телевизор в любом доме, в систему образования придёт компьютер. Я сразу же оговариваюсь, что ни компьютер, ни Интернет никогда не заменят учителя. Но лет через 10 учителей, не пользующихся Интернетом, обязательно заменят учителя, овладевшие этой технологией.

Поэтому нас ожидают очень серьёзные изменения за такой короткий срок и в такой консервативной области, как система образования. В этом нам помогут и демографический спад, и назревшая необходимость перехода на двенадцатилетнее обучение.

**— Самые острые проблемы нынче сводятся к экономическим причинам, которые по определению нерешаемы в рамках образовательного ведомства. Нам всем остаётся ждать обещанного экономического чуда. Есть ли альтернатива такой позиции? Каковы, на Ваш взгляд, собственные резервы системы образования в этом отношении и существуют ли они? Что станет делать министр, имея “дырку в кармане” вместо нормального бюджета?**

— Надо исходить из того, что бюджетное обеспечение школы и профобразования может быть достаточным только при развитом капитализме или при развитом социализме. Поскольку в ближайшие 5 лет ни того, ни другого у нас уж точно не будет, мы обязаны искать внебюджетные источники финансирования. Это одно направление — многоканальность финансирования системы образования. Школе нужны средства на ремонт, мебель, компьютеры, учебники, на питание. Никакие заклинания, декларации не помогут. Наша принципиальная позиция — не ждать с моря погоды, а действовать. Действовать и побуждать руководителей образовательных учреждений к действию всеми возможными способами. Предстоит большая работа, но многое уже сделано и делается. Прежде всего, создана нормативно-правовая база внебюджетной деятельности учебных заведений. Другое дело, что в наших правовых начинаниях зачастую недостаёт пусковых механизмов. Но мы с этим, надеюсь, справимся.

В вашем вопросе всё-таки звучит надежда. Я думаю, что нельзя пока надеяться на бюджет, но у меня есть уверенность в том, что в ближайшее время начнётся экономический рост, рост производства. По некоторым регионам он достиг уже 20%, что очень симптоматично. Об этом недавно в правительстве говорил губернатор Кемеровской области. Не так давно я был во Пскове, там запланировано в этом году 18% экономического роста. Причём, как правило, регионы несколько лукавят: планируют меньше, чем это будет на самом деле, показывают то, что не могут “спрятать”. Это понятно: если сейчас запланировать большой рост, то надо заложить и большой областной доход. А в этом сейчас никто не заинтересован, ибо это может повлечь за собой снижение трансфертов из центра. Так что цифрам роста производства в региональных планах можно доверять. Это, естественно, не может не сказаться на финансировании образования.

По большому счёту я пытаюсь доказать в правительстве, что нельзя ждать, когда экономика потянет образование. Мы должны воспитать поколение молодёжи, владеющее профессией, это поколение и вытянет экономику. И надо сказать, что моя позиция находит понимание. Лучше пусть образованные дети идут в производство, в коммерцию и т.д. У них больше шансов рано или поздно потянуть экономику, чем у деклассированных обитателей улицы.

В своё время, в октябре 1998 года в кабинете Валентины Ивановны Матвиенко состо-

ялся серьёзный разговор. Тогда первым заместителем министра финансов был ещё Христенко Виктор Борисович. В то время умами владела идея — сократить число вузов, техникумов, ПТУ, потому что детей становится меньше. Зачем, мол, всё это развивать? Валентина Ивановна поддержала меня в том, что для молодёжи после школы в условиях безработицы трудно найти рабочие места, и тогда остаётся, как я всегда говорю, либо профобразование, либо профпреступность, поэтому давайте держать курс на профобразование, чтобы не тратить деньги на борьбу с преступностью. Результат выработанной позиции был такой: 2 года подряд после 1998 года, в 1999 и 2000 годах, доля образования в бюджете страны идёт в рост. Сейчас мы увеличиваем финансирование образования на 51%. Это при том, что бюджет в целом на 2000 год возрос на 40%. Приоритет образования по отношению к другим отраслям стал реальностью. Это заметно даже в социальной сфере. В сравнении с культурой, спортом, здравоохранением в нашей отрасли планируется больший прирост. Это понятно и оправданно: культура, спорт и здоровье берут своё начало в школе.

— **Вы сказали, Владимир Михайлович, профобразованием будут охвачены все выпускники. Я хочу один пример привести. В МГУ была встреча Ю.М. Лужкова со студентами. Студенты МГУ — это, как правило, элита, собранная со всей страны, это интеллектуальные сливки, “золотая”, “серебряная” молодёжь. Профессура лучшая в мире или, по крайней мере, в стране. Так вот эта элита задала мэру вопрос: а вы нам дадите работу? Вдумайтесь: даже элитарная в интеллектуальном смысле молодёжь ждёт работу на “блюдечке”, в качестве подачи. Даже эта часть молодёжи не обладает авторством своей судьбы. А ведь они получают профессиональное образование из лучших рук. Допустим, мы дадим его всем выпускникам, но гарантирует ли это самостояние человека в жизни?**

— Когда мы строили клановый социализм, то каждому гарантировали не только трудоустройство, но ещё и заставляли ехать каждого учителя, врача на 3 года — “отрабатывать”, — это одна система. Но сегодня мы вживаемся в рыночную экономику, а значит, и в систему жёсткой конкуренции. Конкурентность действует и при устройстве на работу. Если не будет конкуренции на рынке труда, не будет и самоорганизации производства и человека, а в итоге не будет эффективной экономики. Одно из главных условий эффективности рынка — конкуренция между предприятиями. Работодатели тоже заинтересованы в наилучшем кадровом составе. Между ними разворачивается своя борьба за лучшие умы и за самые умелые руки. И то, и другое обеспечивает высокую производительность, отменные результаты деятельности.

Как бы ни было приятно сказать о том, что молодым людям — выпускникам вузов, техникумов, профессиональных училищ — будут гарантированы рабочие места, надо привыкнуть к тому, что этого не будет. Другое дело — мы должны подготовить молодёжь к борьбе за своё место на рынке труда. А это значит выпускать не узких специалистов, как это было раньше. За полгода до выпуска студент проходил практику там, где будет работать, и после вуза ехал туда же мастером. Сейчас, заканчивая вуз, студенты зачастую не знают, где будут работать — на заводе, менеджером в коммерческих структурах, на госслужбе? Возникла объективная необходимость пересмотреть специальности, по которым мы готовим кадры. И в первую очередь там, где есть особая проблема: это инженерные, прикладные специальности. Здесь, кстати, совершается революционный шаг. Честно говоря, я не ожидал, когда такую задачу ставил, что она будет выполнена по максимуму. Сообщество инженерных специальностей решило из 300 специальностей закрыть 240, оставив на всю страну всего 60–70. А ведь вузы десятилетиями ежегодно открывали новые специальности, бились за них, дорожили ими. Было столько дебатов с отраслевыми министрами по этому поводу, столько ходочков от разных отраслей и вузов, и каждый доказывал, что без такой-то специальности отрасль не проживёт.

Инженеры предложили очень гибкую систему подготовки молодёжи к рынку труда. Студенты учатся три года вместе. Затем те, кто хочет быть инженером-практиком, доучи-

ваются ещё два года. Обычный специалист, как и прежде, готовится 5 лет, а затем идёт на производство. Те же, кто талантлив, кто способен идти в науку, учатся год на бакалавра и ещё два на магистра, получая таким образом самую глубокую подготовку. Это будущие научные работники, дальше их путь в аспирантуру.

Остаются 20–30% студентов, которые слабо учатся в любом вузе: не тянут ни на аспирантуру, ни на магистратуру, да и инженеры из них будут неважные. Об этом студентам откровенно говорят и предлагают год проучиться, получить степень бакалавра — и до свидания! Поработает такой выпускник вуза несколько лет, захочет продолжить образование — у него этот шанс остаётся.

Система, на мой взгляд, очень гибкая, стимулирующая, позволяющая учить всех с учётом их способностей и жизненной ориентации. Прежде все мы учились по 5-летней программе, писали диплом узкого специалиста, инженера, и никто не знал, пойдёт ли он на производство, где ему скажут по Райкину: “Забудьте всё, чему вас учили в вузе”. Иная девушка заранее знала, что ни на какое производство не пойдёт, замуж пойдёт. Но писала диплом, как все. И, как все, училась пять лет.

Я сторонник такой идеи подготовки инженеров, которая восторжествовала.

С 60–70-х годов в Университете дружбы народов мы готовили кадры для 100 стран мира, а там рыночная экономика. Наши выпускники не знали, где и кем будут работать, куда поедут. Поэтому мы давали специалистам навыки менеджера ещё в 60-е годы. Выпускник университета приезжал в свою страну и оказывался лицом к лицу с жестокой реальностью, он должен был знать организацию производства. Например, медицинского дела: как открыть свой кабинет, во сколько ему это обойдётся, как выйти на рентабельность, как не ошибиться с ценами на свои услуги и т.д. Разве у выпускника нашего мединститута была когда-нибудь эта головная боль и потребность в таких знаниях? Нет, конечно.

Когда я веду речь о конкурсном трудоустройстве, то подразумеваю также, что вузы будут вынуждены сами заниматься трудоустройством выпускников. Система оценки наших вузов по количеству кандидатов, докторов наук и доцентов бесконечно устарела. На Западе университет оценивается по тому, в течение какого времени выпускники находят работу. Если в среднем за полгода — это лучшие вузы. Поиск растягивается до года — вузы считаются средними. Но и это допустимый срок. Если же в течение года выпускники не найдут себе применения, такому вузу придёт конец.

Сегодня у нас лучшие вузы уже занимаются трудоустройством студентов. Учебные заведения заключают договоры с предприятиями, корпорациями на поставку специалистов, есть соглашения с предприятиями, где будет организована производственная практика. Вузы начали этим заниматься. Ещё до прихода в министерство я вынужден был создать в Университете дружбы народов внебюджетный отдел по трудоустройству выпускников, с тем чтобы привлечь выпускников на агрономический факультет. Туда сейчас не идут — некуда распределяться. На зоотехнический факультет, горное дело, геологию мы молодёжь так просто не заманим, поэтому и вынуждены были создать систему трудоустройства.

— Владимир Михайлович, в стране около 100 блестящих директоров школ, которые кормят не только школу, но и всю округу. Это эксперты высшего класса, виртуозно владеющие экономикой школы, механизмом хозяйствования. Они не прячутся за фразу: “Наше дело — давать уроки”. Они умеют зарабатывать деньги, умеют ими рационально распорядиться, понимают, что без подлинного труда, без подлинной продуктивности школьное воспитание остаётся фикцией. Вот собрать бы этих людей, да наградить первым делом — это ведь подвижники, да распространить широко их опыт. С ними надо посоветоваться, подумать о действенных мерах по оживлению школьной экономики и школьного производства. Ещё ни один министр на это не сподобился, все норовили сверху указывать школе, как жить. А бывает, что там, внизу, виднее...

— Предложение принимаю. Вместе и проведём такое мероприятие. Дойдём и до школьной

экономики. Вообще-то меня порой обвиняют даже, что занимаюсь экономикой больше, чем образованием. Я же считаю, что это сейчас самое главное. Когда я пришёл на эту должность, мы провели одно из первых совещаний и отменили 600-е постановление, которое пыталось загнать нас “в рамки”. А заодно и 1001-е — по учёту казначейских счетов. Когда все это отменили, тогдашний премьер Е.М. Примаков сказал: “Если вы такие умные, будьте добры предложить что-нибудь ещё”. 2 февраля прошлого года (через 4 месяца моей работы в министерстве) мы провели в Тюмени Всероссийское совещание работников всех уровней системы образования. На нём обсуждались организационно-экономические и структурно-функциональные инновации в нашей отрасли. Мы издали четырёхтомник материалов этого совещания. Меня, в частности, интересовали организационно-реформистские подходы, которые нельзя было реализовать прежде, а также перспективные функциональные структуры, в том числе позволяющие зарабатывать, привлекать внебюджетные средства, активизировать бюджетные деньги. Мы наметили тогда ряд направлений работы и создали Совет по экономике при Министерстве образования, несколько рабочих групп, которые отчитываются ежеквартально о том, что сделали. При Совете по экономике есть рабочая группа, которая разрабатывает конкретные программы экономической деятельности учреждений образования. И эта работа ведётся постоянно.

Что же касается директоров школ, я глубоко убеждён, что всё зависит от человека, который делает своё дело. Так всюду. Для всех одинаковая программа по математике и одинаковый учебный план, а учителя разные, и по-разному всё преподаётся, а потому и результат разный. От учителя, от человека всё зависит. Во Пскове я был в отличном педагогическом колледже. Это комплекс на 3000 человек, куда входят музыкальная школа, детский сад, три спортивных зала, хореографические классы и т.д. Успех колледжа во многом определяется тем, что там прекрасный директор, который может всё это организовать. Но, разумеется, вы правы: мы должны создавать для работы таких людей необходимые условия.

Впрочем, я надеюсь не только на директоров. Можно и так ставить вопрос: кто заинтересован в том, чтобы в этой и в любой другой школе детям было бы лучше всего? И отвечаю: в большей степени в этом заинтересованы родители. Это интерес, проходящий из столетия в столетие. Ну, уйдёт директор из школы, но дети-то остаются, и может так случиться, что придёт на это место новый директор, и всё погибнет. Таких случаев полно.

— Я и мои коллеги много ездим по регионам. Понятно, что общение с нами не такое усложнённое и парадное, как с министром. Можно увидеть то, что министру не покажут. Недавно был в Татарстане. Впечатляет. Там, например, додумались, что строительство маленьких гидроэлектростанций на ручьях,— это вовсе не вклад в энергосистему, а часть глобального воспитательного замысла, направленного на позитивное изменение системы ценностей. И собираются строить их ради пацанов, которые подрастают и заболевают идеей умного, бережного природопользования в собственном посёлке.

Показывают нам школу. Во дворе флигель с горящими окнами. — А там что? — Мастерские. — Можно? — Пожалуйста. Сидит братия мал мала меньше и шьют, кто во что горазд. Ходит учитель меж них, там подскажет, там покажет. Половина — мальчишки. Себя обшивают, местным старикам пенсионерам шьют халаты, ночные рубашки. — Ну что они купят на свою пенсию? — в сердцах говорит учительница. Ребятишки не хуже сошьют, и в два-три раза дешевле выйдет.

— Зарабатываете? — Раньше зарабатывали, сейчас не связываемся с этим. — Почему? — Финорганы замучили. Пугают страшными карами, вот и не связываемся. Если кто из ребят и возьмётся сшить соседской бабушке, так чаще бесплатно. А наше дело маленькое — научить, помочь.

Как же так, Владимир Михайлович, те, кто в первую голову должен пекся о нормативном комфорте во всех хозяйственных начинаниях школы — финансовые инстанции образования — они же первыми вставляют палки? И это один случай, может, даже не характерный для Татарстана. Но к нам в редакцию приезжает люд со

**всех концов страны, рассказывают то же самое. Финансовая самостоятельность школ подавляется на всех уровнях. А значит, подавляется здоровое, нравственное начало самоорганизации, саморазвития.**

— Нужно анализировать каждый конкретный случай. В том же Пскове есть профессиональное училище. Так вот оно проблем подобного рода не испытывает. Учащиеся изготавливают мебель для школ Пскова и имеют хорошие заказы. Меня на эту тему губернатор Михайлов пытал: как вписаться в программу развития индустрии образования, расширить производство и снабжать весь регион — леса ведь в Псковской области достаточно. И просил дать ему несколько вариантов. У них идея — вернуться к тем ростовым партам, на которых мы учились. Вот случай, когда эта проблема решается. Думаю, что именно губернаторы сыграют здесь ключевую роль. А если говорить по большому счёту, то я согласен с вами: нам нужно как можно больше иметь положительной информации об этом. Как это делать, как этим опытом обмениваться, как вести подготовку и переподготовку кадров — тут мы пока недорабатываем.

— **Вы, как я понимаю, соглашаетесь с тем, что эти директора живут полулегально. У меня сложилось такое впечатление в результате общения со многими директорами, а значит, и ещё у кого-то могут быть сходные мысли. Считаю, следует на самом высоком уровне поддержать тех, чья практика чрезвычайно важна для школы, даже не столько в экономическом смысле, не в пресловутой модальности “выживания”, а в самом высоком педагогическом, воспитательном, макаренковском смысле. И для этого, как минимум, надо хотя бы завершить начинание с юридическим статусом школы.**

— К сожалению, ситуация, скажу к своему стыду, гораздо хуже, чем вы мне её рисуете. Не доходили руки, казалось: ну кто нас тронет — систему образования? Почти каждая школа из 68 тысяч в стране существует незаконно. Дело в том, что по Закону РФ “Об образовании”, а теперь и по Гражданскому кодексу, школа должна быть юридическим лицом. Когда стали оформлять пенсии, любые счета, учителям говорят: “Вот вам закон, по нему вы не имеете на это права”. Я заявляю официально: почти 68 тысяч школ страны в течение последних лет существуют незаконным образом. Они находятся вне поля Гражданского кодекса и Закона РФ “Об образовании”. И министерство не может пока найти выход из этой ситуации, этому препятствуют действующее законодательство и его сторонники.

Есть и другая сложность: директор сельской школы, где 12–15 учеников, и не захочет становиться юридическим лицом, так как в этом случае ему надо иметь бухгалтера, кассира. Да не будет он открывать счёт никогда! А у нас из 68 тысяч школ 46 тысяч сельских школ, а среди них половина — малокомплектные.

— **Я уверен, что юридическая казуистика преодолима, будь на то добрая воля. Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло. Я что-то не слышал, чтобы хоть кто-нибудь попытался палец о палец ударить на эту тему. Спускают вопрос на тормозах.**

— Школа является государственным учреждением, а по Гражданскому кодексу, как и любое учреждение, она должна быть юридическим лицом. Изменить Гражданский кодекс практически невозможно. Это даже не закон об образовании и не отдельные поправки к кодексу. На каждую из 46 тысяч сельских школ в среднем по стране приходится 130 учеников с первого по десятый-одиннадцатый классы. У нас примерно в 10 тысячах школ по 50–100 учеников. Какое тут юридическое лицо?! Кто будет начислять зарплату, я даже не говорю о кассе, бухгалтере. Эти школы не будут самостоятельными, не будут привлекать деньги, зарабатывать, так как всё это пойдёт на централизованный счёт роно. Это коснётся 46 тысяч школ страны — вот проблема. Я сказал своим коллегам: “Создайте рабочую группу — мы должны найти выход из этой ситуации”. Обращусь с письмом к Путину, чтобы он дал указание внести в Гражданский кодекс необходимые изменения, которые разрешали бы проблему хотя бы временно. Школа не совсем обычное учреждение, и

нельзя к ней подходить механически, следуя букве наших несовершенных законов.

Сегодня у нас не определён основной статус школ, а мы пишем доктрины, концепции и т.д. И это закономерно. У нас даже не было института экономики и права в системе образования. Теперь такой институт будет, он станет заниматься всеми этими проблемами, предупреждать правовые казусы. О том, что школа не является юридическим лицом, разве никто не знал? Знали все. Закон РФ “Об образовании” приняли в 1992 году, а спохватились только сейчас. Любому директору в этой ситуации попытаться сделать шаг вправо, шаг влево, как его сразу нашим же законом и добьют: вы не юридическое лицо. Люди уходят на пенсию и не могут её оформить — разве это не юридический беспредел?!

— Конечно, беспредел. Не могу только согласиться, надеюсь, это позволительно, — не согласиться в чём-то с министром, что в вопросе с сельскими школами ничего нельзя сделать. Существуют же юридические лица с одним работником-директором. Мало того, зачастую успешно действуют. Если осуществить на деле положенное по закону, открыть школе счёт, вручить директору печать, обязать централизованную бухгалтерию обслуживать школу по договору, создать систему “экономического ликбеза” для директоров, консалтинговую службу при роно, также работающую со школой на договорных условиях за минимальный процент, берущую на себя и некоторые управленческие функции по договору поручения, то все эти проблемы будут сняты. В таких условиях директор школы будет постепенно вращаться в новую для него деятельность. Согласитесь, это уже не в омут головой... Во множестве сёл школа может оказаться и вовсе единственным действующим юридическим лицом. Одна только реализация сельхозпродукции тех подворий, в которых есть ученики, позволит создать собственную кадровую инфраструктуру. Там же есть ещё люди, но давно уже нет рабочих мест. Я уверен, что на хозрасчётные ставки и должности народ пойдёт. Именно отсутствие на селе такого юридического лица, к существованию и процветанию которого жители были бы совершенно лояльны, не позволяет селянам стать на ноги. Огромное число сельских школ уже сейчас управляют свои дела, реализуя сельхозпродукцию. При дефиците нравственного официоза на селе школе ничего не остаётся, как принять эту данность и действовать самостоятельно, инициативно, предоставляя свои юридические полномочия всем селянам. При этом будь в ней всего 20 учеников, сельская школа не только исполнит собственную миссию, но и станет важным инструментом социальной инженерии. Возрождение умирающих деревень зависит сейчас не столько от знаний наших учеников по физике, сколько от того, найдут ли именно здесь, в своих перелесках пацаны возможности для работы и самореализации. Я попытался представить альтернативное направление мысли... Статус юридического лица у малокомплектной школы — это своего рода “точка кристаллизации” её самоорганизации. Именно в этом случае может возникнуть тенденция саморазвития. Это ведь не случайно, что в школу не идут предприимчивые люди. Потому и не идут, что нет там условий для минимальной самореализации, например, для того, чтобы кормить семью. Создадим такие условия — вот и появится кадровый резерв.

Владимир Михайлович, пафос новейшего времени тяготеет к прагматизму. Но человек, особенно русский человек, не может жить без идеологии. Школа же, лишённая идеологии, — вовсе нонсенс! Можете ли Вы сформулировать основные идеологические ориентиры, которыми надо руководствоваться школе, которые следует прививать молодым людям, воспитывать на них?

— Очень непростой вопрос. Я размышлял над ним. В Святотихоновском монастыре в Печорах эти мысли меня просто донимали. Я там, кстати, внимательно присмотрелся, как церковь привлекает жителей и детей. Остаётся ли этот процесс в рамках закона? Раньше воспитывали школа, церковь и государство. И семья, конечно. В XX веке церковь подменила партия. Сейчас церковь не имеет прежнего влияния на школу. Государству не до воспитательных функций. Семья — явно уступает телевизору. Я не уверен, что иной папа

воспитывает больше, чем телевизор.

Мы в 90-е годы этот вопрос упустили, решив, что незачем воспитывать на той идеологии, которой уже нет. Поэтому решили: комсомольские и пионерские организации закрыть, а когда появится новая идеология, тогда и начнём воспитательную работу. Ликвидировали Управление воспитательной работы в министерстве, и десятилетие не было у нас ни управления, ни организации на федеральном уровне, которая занималась бы воспитанием. Хотя к чести педагогов надо сказать, что в сотнях школ страны эта работа велась и ведётся хорошо.

На самом деле есть общенациональные ценности, на которых необходимо воспитывать молодёжь. В России к слову “национальное” относятся неоднозначно. Надо приучать народ к такой постановке вопроса по отношению к себе, как американцы. Для них национальное — флаг, гимн — это гордость, это общенародное. Должна быть национальная идея России, национальная доктрина образования, а мне говорят: “Давайте назовем: государственная доктрина”. В данном случае “национальная доктрина” означает “общенародная доктрина”. Нация — это заимствованное слово. Давайте заимствовать последовательно. Nation — это “народ”. Что эти поборники “национальной осторожности” имеют против “народной доктрины”? Есть же понятие “народ России”?! Идеология образования должна носить безусловно народный характер. И именно в этом смысле нам нужна национальная доктрина образования.

Когда мы говорим “россияне”, то должны под этим что-то иметь: гимн, флаг. Что касается воспитания, я считаю, что, пока мы не определились на государственном уровне, надо делать ставку на гуманистические принципы: “не убий” — по Достоевскому, “не мешанствуй” — по Островскому. Единая идеология воспитания будет складываться постепенно, и не в образовательной отрасли, а в общенациональном масштабе. Мы определились в главном: образование — это процесс в интересах человека, общества и государства. На первом месте — интересы человека и лишь на третьем — государства.

Согласимся с тем, что для эффективного воспитания нам придётся предпринимать организационные усилия. Но если мы снова введём пионерские отряды, нас будут бить справа, введём скаутов — будут бить слева. Сама жизнь порождает новые формы детских организаций. В воспитании мы должны говорить о разных принципах, подходах — их конкретизировать, на их основе работать. Физическое воспитание — разве не самое главное? А здоровый образ жизни — разве не воспитание? Считаю, что это самое главное, и тут жертвовать надо и физикой, и химией, и математикой ради здоровья детей, иначе они погрязнут в курении, наркотиках, алкоголе. Запреты не помогут. Надо делать, как в американских школах: культ спорта или культ занятости, продуктивности, как вы это называете.

В понятие “воспитание” входят разные смыслы — физическое воспитание, семейное, половое, экологическое. И экономическим воспитанием надо активно заниматься, чтобы молодёжь понимала “жизнь” денег, семейный бюджет. Если с детских лет ученики не будут экологически воспитываться, человечество вообще в конце концов вымрет.

Когда мы утверждаем годовой бюджет, то планируем собираемость налогов в 65%. Это основа бюджета. Но все заранее знают, что 33% налогов не будут собраны, и это тоже запланировано. В прошлом году бюджет составлял 25 млрд. Треть его ушла в теневую экономику. Поэтому мы сегодня издали учебник для 1–4-х классов, который называется “Зачем нужно платить налоги”.

Свести воспитание к одной формуле, брошенной сверху, невозможно. Здесь нужно учитывать национальные особенности. В Бельгии, например, идея толерантности, терпимости самая главная. Бельгийца практически невозможно вывести из равновесия. Для них дом, работа, семья — всё пронизано понятием “толерантность”. Ну придумайте здесь и сейчас такую идею для нас с вами...

— **Владимир Михайлович, в педагогической прессе широко обсуждается вопрос о переходе на двенадцатилетний срок обучения в школе. При этом подчёркивается,**

что дело не в механическом увеличении срока обучения, а в том, что будут осуществлены системные, структурные, содержательные, методические и прочие разумные изменения на благо ребёнка, школы и Отечества. Мой вопрос: почему не начать с этих самых “разумных преобразований”, а затем, достигнув на этом пути очевидных успехов, прибегнуть и к увеличению сроков? Зачем в столь скудное по деньгам время начинать дорогие проекты? В чём смысл идеи? Можно ли обосновать эту позицию математически строго?

Очень часто в качестве аргумента в пользу двенадцатилетней школы говорят о перегрузке детей. Имеются ли в Вашем распоряжении материалы научных изысканий на тему о перегрузке? Я имею в виду не частные мнения тех или иных учёных, а строгие измерения физиологических, психологических, информационных параметров перегрузки? Мне, например, не известно хотя бы одно исследование, которое давало бы внятный ответ на вопрос о том, что в большей степени обуславливает перегрузку — объём учебного материала или способ, метод обучения? Ведь именно от этого зависит, что надо делать: растягивать материал на больший срок или менять способы обучения. Хорошо известно, что один и тот же материал может быть усвоен с лёгкостью у одного учителя и огромными трудами у другого. Существует точка зрения, что и министерство, и РАО, будучи не в состоянии решать вопросы методологии обучения, подменяют их увеличением его сроков. Как бы Вы прокомментировали эту точку зрения?

— Я за конкретизацию принципов двенадцатилетки. Первый путь — пересмотреть содержание нашего образования. Вычленив 12, 15, 16 недостатков и определить — какими путями их преодолеть. А потом создать документ — концепцию нового содержания. Определили нагрузку детей, домашнюю и классную, технологический подход к овладению знаниями, их практическую ориентацию, гуманитарный подход в образовании, методики обучения. Мы пошли этим путём и не хотим в двенадцатилетке увеличивать объём знаний. Речь должна идти об их реструктуризации. Надо разгрузить основную и среднюю школу. Сделать общим ядром 3–4 направления, перебросить часть второстепенных и особо трудных разделов химии, физики, биологии в профильные классы. В одиннадцатилетней и двенадцатилетней школе — одинаковый объём знаний. Формула перехода к 12-летней простая: по мере готовности субъектов Федерации, по решению самих регионов. У меня лежат 15 заявок субъектов Федерации — хотят побыстрее ввести двенадцатилетку. А Санкт-Петербург уже поспешил и ввел в 100 школах новый срок обучения. Позиция министерства такова: если готов субъект Федерации хотя бы купить книги — пожалуйста, реализуйте новые сроки. Никакой обязательности не будет.

— **А давайте те же принципы заложим в одиннадцатилетку, и ее реализуем, введём новые принципы, скажет вам иной оппонент.**

— Как вы прекрасно понимаете, ввести новое содержание в систему образования, с новыми учебниками, нам так и так понадобится лет 15, чтобы осуществить всё это с 1 по 11-й класс. 2 года — учебники, потом апробация, потом пройти с 1 по 11-й. А потом мы скажем: вот теперь мы готовы, чтобы перейти на двенадцатилетку. И всё по новой. Затраты на переход одинаковы, поэтому нет смысла дважды делать одно и то же.

Поскольку мы будем строить школу по принципу здорового образа жизни, повышения качества образования, профориентации и т.д., и т.д. — жизнь заставит родителей идти на этот более интересный вариант.

Сейчас Украина поспешила: там хотят быстрее перейти к западной модели. Решением парламента с этого года перешли на систему 9+3, добавили старшую школу. А бюджет не меняют. Мы остались единственные в Европе с десятилеткой. Белоруссия, Прибалтика еще раньше перешли на новые сроки обучения. Одна Россия всё дискутирует. Убеждаем себя и всю Европу, что наши дети — самые умные, что у нас одиннадцатилетка, а ведь 60% детей учатся у нас в десятилетке. За 10 лет мы впихиваем в их головы то, что проходят в других странах за 12–13 лет.

— **А классно-урочная система? Она трещит по швам методологически, в своих научных основаниях. Она себя исчерпала, как считают многие специалисты. Перейти на 12-летнюю школу, оставаясь в прежних педагогических тенетах, даже намёка не делая в пользу индивидуализации обучения, — что это даст? Кто-то из школьников за 8 лет может пройти программу, но и у него нет для этого условий. Как с этим быть?**

— Не надо смешивать три-четыре вещи в образовании, не говоря об экономике. Надо ориентироваться на последовательные крупные шаги. Нельзя объять необъятное и сотворить всё разом. Если, например, принимать законы и планировать зарплату учителя в 100 рублей, — рухнет всё. Вся система образования рухнет. Экономика не менее важна, чем технология. Весь образовательный процесс строится на трех китах: содержание, технология и качество. Вначале мы должны выработать качественное содержание. Я согласен: может быть, классно-урочная система устарела. Но никто не придумал лучшего. Владимир Дмитриевич Шадриков говорит, что есть 100 школ из 68 тысяч в стране, которые отказались от классно-урочной системы, но это ничего не означает. У нас в Москве всего две школы не используют классно-урочную систему.

Мы пока не трогаем вопросы качества школьных технологий, микроэкономику школы. Давайте определимся с содержанием образования. Первый вопрос — чему учить, второй — как учить? Это вопрос опыта, его апробации, пропаганды и поддержки. Целый час на одном из совещаний я доказывал это с девятью заместителями министра, пока Борис Алексеевич Виноградов не вспомнил, что в инженерной системе бывают состав, технология и качество.

Это не говорит о том, что мы взяли и перешли на единообразие состава, технологии и качества. Можно делать и так и так.

— **Как вы относитесь к стандарту образования?**

— Слово “стандарт”, которое придумали здесь в России, не очень хорошее. Его сейчас подхватили американцы. Клинтон выдвинул три года назад эту идею, и сейчас 49 из 50 штатов ввели стандарт общего и среднего образования в США. Только один штат не ввёл. Но американцы широко используют другое хорошее понятие: level **A**, level **B** и т.д. Это несёт другой смысл. Родителям важно, чтобы ребёнок, заканчивая школу, знал, сколько будет дважды два. Вот мой заместитель Григорий Артёмович Балыхин отдал своих детей в экспериментальные классы нашей подшефной школы Евгения Александровича Ямбурга, где пытаются создать альтернативу классно-урочной системе. И на втором году обучения дети не умели ни читать, ни писать. Григорий Артёмович забрал их и отдал в нормальные классы той же школы, стал заниматься с ними ночами, чтобы наверстать то, что они не прошли на занятиях. Может, здесь стоило и подождать, но важно и то, что в обществе (у родителей) нет уверенности в хороших результатах инноваций.

Понятие стандарта, если не фиксироваться на слове, должно быть переменным, подстроенным под ребёнка. Хотя переменный стандарт... такого “не бывает”. Либо это константная, либо переменная величина... Здесь есть, о чём подумать, конечно.

— **Провокационная идея: что если, представьте себе, в школе нет оценки соответствия стандарту, программе, минимуму. Сегодня отметки 3, 4, 5 оценивают степень соответствия знаний ученика конкретному реестру. А вместо этого будем оценивать детей по разнице: каким он был и каким стал? Учитель знает, какие он применял педагогические средства, знает, какой из этого вышел толк. Диагностичность полная, сквозная. Почему никто не хочет использовать такой метод оценивания?**

**Я за оценку, но оценку чего? Подчеркиваю, не за оценку соответствия стандарту, а оценку изменения, которая произошла со мной. Вчера я был в грамматике такого роста, а сегодня — подрост ещё немножко, вот на столько.**

— Оценка должна быть по отношению к какому-то объёму знаний. Другое дело — как освоить этот объём. В течение одного учебного дня мы задаём школьникам определённый объём материала, усвоение которого надо затем оценить. Вы не оцените работу, если не

зададите объём.

— **Он будет индивидуален и вытекать из результата вчерашнего дня.**

— Да, но мы захотим, чтобы все школьники одинаково хорошо знали материал. Не может учитель преподавать одному теорему Пифагора, другому алгебру или геометрию — 40 человек в классе!

— **Нас было 40 человек в классе в Поздеевской средней школе Амурской области. Лидия Ивановна Пахт, учительница математики, как сейчас помню её строгий взгляд поверх очков, делала так: я решал двадцать задач на уроке, кто-то больше. Были такие, что больше трёх задач, и тех в “зоне ближайшего развития” — с помощью учителя — осилить не могли. Вот она над ними и колготилась. Но полкласса самостоятельно решали от 5 до 20 задач. Когда я встречался с задачей нового типа, то открывал учебник, как и многие другие, изучал новую тему и приступал к решению. Мы запоем решали и значительно опережали программу.**

— Я абсолютно уверен, что когда вы начинали в пятом классе, то на первых уроках ваша учительница говорила: “Сегодня у нас такая-то тема...” И все её изучали, всем она объясняла одинаково. А потом начинала сравнивать ваши знания и навыки и в зависимости от этого ставила оценку. Вы — быстрее, идите и дальше быстрее. Но она должна была обеспечить level A всем вашим одноклассникам. Это не стандарт, это минимум. Минимум требования к содержанию вашего образования.

— **Основная проблема в том, что это единственная учительница, которая позволяла мне двигаться так быстро, как я хочу или могу. Когда я попал к другим учителям, я вынужден был вместе со всеми решать три задачи за урок — нудно и монотонно. Мне один раз в жизни позволили жить вне стандарта, а потом вогнали в стандарт, который значительно ниже моих возможностей.**

— Извините, вы противоречите себе. Учительница математики позволяла вам жить сверх стандарта, но не вне его. Она знала, что стандарт вы освоите, — это обязательный минимум содержания. У нас, кстати, нет стандарта содержания, приказом утверждён минимум обязательного содержания. В итоге вы довольны тем, что получали сверх обязательного минимума.

— **Так в этом и драма нашей школы, что учитель даже если и заинтересован в высшем достижении ученика, на него не ориентирован. Он говорит: “А зачем мне это надо? Программа этого не требует. Учебника у меня нет, за это меня не хвалят и не ругают”.**

— Весь вопрос в технологии и в заинтересованности учителя.

— **И в принципах, по которым строятся система образования, аттестация учителей, оценки достижений и т.д.**

— Одна из важных задач школ, во-первых, — загрузить учеников так, чтобы количество школьных и домашних занятий было в пределах определённого уровня (сейчас это 167 часов в неделю). Во-вторых, поработать над качеством. Например, можно многие разделы физики, химии, биологии перенести в старшие классы. За счёт этого давать более фундаментальное содержание общего основного образования. В-третьих, уделить время воспитанию здорового образа жизни, включая всё — физкультуру, может быть, даже каждый день. Решить это тяжело: забрать один час в неделю у физики, у химии, час у математики из базисного учебного плана. Можете представить, какое недовольство это вызовет. Каждый предметник будет протестовать против этого: как это так — школьники не доучат несколько формул (которые, кстати, они всё равно забудут потом)?! Но другого пути, к сожалению, нет, чтобы исповедовать культ здорового человека.

— **Суть следующего вопроса — предметоцентризм нашей школы. Человек живёт и развивается по законам устройства человека. А учат его по законам устройства предмета — приходят на урок русского языка и начинают: звук, буква, слог и т.д. Это парадигма лингвистики. А реально процесс изучения языка и чтения разбивается на совершенно другие операции. Один учитель идет к ребёнку**

с парадигмой математики, другой — лингвистики, третий — с парадигмой химии как науки. Человек же живёт по человековедческим законам. Я намеренно развиваю эту идею, может быть, у вас возникнет интерес. В национальной доктрине вопроса поворота к человекоцентризму, к природосообразности, к сожалению, нет. 20, 10 лет назад говорили о гуманизации, все равно на уроке математики, физики, русского языка — на любом! — ученика гнут через колено и делают большим.

— Формальный ответ на ваш вопрос прописан в первой статье Закона “Об образовании”: система образования осуществляет воспитание и обучение в интересах личности, а только потом в интересах общества и государства. Далее — на первом плане стоит воспитание, обучение потом. Это и есть движение в сторону человекообразности, как видите. Формально-то записали, но проблема, конечно, не решена. Это общая проблема — гуманизация образования. Надо давать, например, комплексную естественнонаучную подготовку, а не химию, физику, биологию, математику. Надо формировать целостную картину мира. В то же время 99% директоров и учителей выступают за сохранение предметной системы в нашей школе. В Москве всего лишь 2–3 школы реализуют интегрированный курс естествознания.

— Пусть себе будет и предметное обучение. Но дело в том, что можно обучать человека математике сообразно его человеческому устройству, а можно, исходя из научной парадигмы математики, можно обучать грамоте, опираясь на законы психогенеза, а можно лингвистикосообразно. Вот я о чём.

— Мы сейчас с вами вместе не ответим на эти вопросы. У меня на столе письмо от мальчика из города Чехова. Он задал вопрос: “Зачем мне нужно это знать?” Девять заместителей министра не ответили на его вопросы из школьной программы. Такие вопросы не только в лингвистике или математике. Конечно, надо перевести ряд разделов таких предметов в профильные старшие классы и давать тем, кто собирается ими заниматься в жизни. Но это приведёт к тому, что даже русский язык придётся реструктурировать ради такого образования, которое не угрожает здоровью. Придётся это делать, как бы больно ни было. Мы это уже проходили со старым базисным учебным планом, когда сократили на один час историю и литературу. Большинство предметников привыкли жизнь класть за эти свои часы. И не надо нас обвинять в разрушении прекрасной советской школы.

— Владимир Михайлович, спасибо за разговор. Мы и наши читатели надеемся, что Вы найдёте возможность для того, чтобы присутствовать и в следующих номерах журнала. Спасибо!

*Мы начали нашу беседу с министром с намерения затронуть острые вопросы. Но, как это часто бывает, исчерпали запас времени для разговора раньше, чем успели их задать. Вопросов как всегда больше, чем ответов. В приёмной ждали посетители и пришедшие вместе с ними дела, дела. Мы надеемся получить ответы при следующей встрече и предлагаем вам, уважаемые читатели, принять участие в этом разговоре. Присылайте ваши вопросы, а мы постараемся донести их до специалистов и руководителей Министерства общего и профессионального образования.*

*В частности, хотелось бы услышать от министра имена экспертов, учёных, кто сумел обосновать именно этот путь: увеличивая сроки, снижаем нагрузку, тем самым консервируем сложившуюся школьную технологию. Ведь кто-то же сумел направить административную волю именно в это русло. Мы не стремились бы к чётким ответам на этот вопрос столь настойчиво, если бы знали хотя бы одно научное обоснование этой позиции. Ни РАО, ни другие отраслевые научные структуры не имеют в своём активе научного ответа на вопрос о том, какова природа учебных перегрузок! Объём содержания, способ организации материала, методы обучения или всё вместе ответственно за плачевное состояние здоровья школьников? В зависи-*

*мости от того, каков ответ на этот вопрос, должна быть принята та или иная стратегия действий.*

*Руководителей региональных органов образования интересует проблема: как предполагает министр и подведомственное ему учреждение выстраивать отношения с регионами? Несколько последних лет это были некие две параллельные прямые — министерство само по себе, регионы сами по себе. Какие управленческие задачи определило для себя министерство на современном этапе?*

*Многих наших читателей интересует вопрос: почему новый министр не включил в свою команду хотя бы одного успешного практика из числа руководителей образования субъектов федерации? Нынешний состав министерской команды воспринимается школьным людом как откровенно провузовский. На “педагогических перекрёстках” часто звучит опасение, что функция школы будет всё более и более подгоняться под ожидания профессионального образования, прежде всего — высшего. Есть ли у министра позиция относительно того, какова специфическая функция школы? Должна ли она сводиться к подготовке в вуз, как это настойчиво звучало в выступлениях ректоров на Всероссийском совещании работников образования?*

*Ответы на эти и другие вопросы мы постараемся дать в последующих номерах журнала.*

В разговоре участвовали *Нина Целищева и Алексей Кушнир*